

УДК 940:5

**ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ)**

канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ

(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)

На основе документов Национального архива Республики Беларусь рассматривается положение гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации. Обозначены различные аспекты жизни и быта гражданского населения, отраженные в документах партизан и подпольщиков (система регистрации и контроля граждан, материальное положение и медицинское обслуживание населения, торговля, коммунальные платежи). Отмечается, что документы партизан и подпольщиков являются важным источником, которые, в совокупности с документами немецкой и местной вспомогательной администрации, позволяют максимально объективно реконструировать положения гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации.

Ключевые слова: оккупация, Беларусь, гражданское население, партизаны.

Введение. Повседневная жизнь гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации традиционно реконструируется на основе документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации. Действительно, учитывая колоссальное количество сохранившихся документов, можно реконструировать различные аспекты жизни и быта граждан в условиях оккупации [1]. В то же время партизаны и подпольщики, помимо борьбы с оккупантами, уделяли внимание положению гражданского населения на оккупированных территориях. Соответственно, введение в научный оборот данной группы источников и сопоставления их с документами оккупационных органов власти является исключительно важным.

Основная часть. Партизаны и подпольщики стремились получить максимально полную информацию о положении гражданского населения. Пристальное внимание уделялось системе контроля на въездах и выездах из городов, где размещались контрольные пункты полицейских, которые проверяли документы у граждан [2, л. 142]. Периодически немцы и местная полиция проводили проверку документов на улицах населенных пунктов, выборочно – на рынках [3, л. 39]. Более продолжительное ограничение на выход из домов, чем обычный комендантский час, могло вводиться для крестьян, проживавших в непосредственной близости от железной дороги. Немцы и полиция проводили проверки домов на предмет нахождения в них подозрительных лиц, и, в случае обнаружения таковых, арестовывали вместе с семьей, их приютившей [4, л. 13 об.].

Проводимые периодически перерегистрации населения преследовали цель выявить семьи партизан. Для этого могли даже вводиться льготы в виде выдачи соли или отмены обязательной оплаты регистрации [5, л. 170].

В Западной Беларуси одной из наиболее дискриминируемых категорий граждан, не считая евреев, оказались так называемые «восточники» (семьи советских военнослужащих и чиновников, присланных в регион после сентября 1939 г.), которых оккупационные власти часто изгоняли из занимаемых квартир, в результате чего в одной комнате ютились по 3 – 5 семей. Эти люди вынуждены были ходить по деревням и менять оставшееся имущество на продукты или просить подаяние [6, л. 258 об.].

Партизанская разведка фиксировала использование оккупационными властями материальных ресурсов граждан и возникавшие в процессе сбора налогов конфликтные ситуации. Выявлялись виды наказаний немцами граждан, отказывавшихся сдавать продукты питания и необходимые оккупантам материалы. Так, по данным разведки, коменданты Витебска и Городка в феврале 1943 г. обещали лишать жилплощади граждан, которые не выполняли норму сдачи цветного металла [7, л. 28]. В ходе сдачи поставок мяса имели место злоупотребления старост, которые забирали коров в первую очередь у беднейших односельчан, богатые же откупались от поставок [8, л. 6 об.]. Население саботировало распоряжения о сдаче теплых вещей для вермахта, но откликалось на призывы сдавать продукты питания для военнопленных [9, л. 55]. В то же время в деревнях, контролируемых партизанами, население сдавало продукты не оккупационным властям, а партизанам [10, л. 24 – 25; 11, л. 119].

Данные партизанской разведки иллюстрируют бедственное положение городского населения. Мизерные продуктовые нормы, указанные в документах местной вспомогательной администрации, подтверждаются разведанными партизан [12, л. 181; 3, л. 37]. Продукты по карточкам выдавались с перебоями, и возле магазинов стояли огромные очереди людей [13, л. 127]. Продукты питания в города поставлялись из подконтрольных оккупантам деревень, что еще более усиливало дороговизну, поскольку

многие деревни контролировались партизанами, и реквизиции оккупационными властями там не проводились [14, л. 91]. Продукты питания можно было получить оттуда только с помощью карательных отрядов [15, л. 122]. Выдача дефицитных товаров могла использоваться немцами для принудительной мобилизации на работу в Германию, как, например, в Толочине в ноябре 1942 г., где немцы оповестили население о выдаче соли [16, л. 13].

В отчете старшего помощника разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) о положении г. Борисова от 18.03.1944 г. приводились нормы продуктов, полагавшиеся горожанам по карточкам. Занятые на производстве рабочие получали 150 – 200 гр. хлеба в день, 100 гр. маргарина в неделю, иждивенцы – 100 гр. хлеба-суррогата. Ассортимент нескольких городских магазинов был представлен иглоками, булавками, стаканами и прочей мелочью, для покупки товаров нужно было иметь специальные талоны. Торговля крестьян на городском рынке была затруднена распоряжением комендатуры, запрещавшим продавать продукты питания, если сельская община не выполнила обязательные поставки продуктов в счет налогов. Запрещалась продажа мясных изделий и масла. Из-за сокращения выдачи крестьянам пропусков для поездки в город на рынок цены выросли вдвое. Ограничение выдачи пропусков объяснялось боязнью немцев, что под видом торговцев в город будут проникать агенты партизан. Выдача горожанам пропусков на поездки в деревню для обмена промтоваров на продукты зависела от благонадёжности просителя с точки зрения оккупационных властей [17, л. 150–151]. Констатировалось негативное отношение подавляющего большинства горожан к немцам по причине варварского обращения с рабочими и служащими. На предприятиях практиковались телесные наказания, в столовых предприятий пища для рабочих готовилась безо всяких жиров и картофеля. В городе по 2–3 раза в неделю проводились облавы и проверки документов на улицах, рынках, в квартирах. Задержанные отправлялись в тюрьму на проверку, и, если не вызывали подозрений как участники движения Сопротивления, отправлялись на строительство оборонительных сооружений [17, л. 150].

Проблема обеспечения продуктами питания была актуальна и для сельского населения. Ежемесячная норма потребления хлеба крестьянами 6 кг для взрослого, 3 кг для ребенка достигалась путем установления оккупационными властями квот на помол зерна [18, л. 90].

Дефицит продуктов питания использовался советскими подпольщиками в пропагандистском противостоянии оккупантам. Так, в г. Минске на стенах домов вывешивались листовки: «Долой гитлеровских 100 грамм хлеба, да здравствует Сталинский килограмм» [6, л. 225 об.].

Несколько лучшая ситуация с продуктами питания фиксировалась в Западной Беларуси, откуда жители восточных районов приносили продукты [15, л. 123]. В генеральном округе Белосток до сентября 1943 г. спички, мыло, керосин, табак можно было свободно приобретать в магазинах, позднее на эти товары были введены карточки [19, л. 81].

Частные предприятия общественного питания были недоступны для подавляющего большинства горожан по причине исключительной дороговизны и посещались в основном полицейскими и сотрудниками местной администрации [13, л. 127–128].

Помимо выдачи продуктов по карточкам, единственной альтернативой приобретения продуктов питания был рынок. Разведывательные данные партизан иллюстрируют масштабы вовлеченности городских и сельских жителей в торговые операции на рынке. В докладной записке руководителя оперчекистской группы НКВД по Витебской области сообщалось, что такие предметы первой необходимости как спички, мыло на рынке в г. Орше можно было купить только у спекулянтов. Продажа товаров осуществляется только на марки (теневого обменный курс составлял 18–20 руб. за марку) или на обмен. Пуд ржи стоил 120 марок, картофеля – 25–30, молоко – 5–6 за литр, яйца – 8–9 за десяток, сала и мяса на базаре не было вовсе, коробка спичек стоила 3 марки, 400 гр. мыла – 8, 50 гр. табака – 18. Соль за деньги не продавалась, ее можно было обменять на рожь и картофель: за пуд соли просили 2 пуда ржи или 5 пудов картофеля. Рабочие и служащие с зарплатой в 250–300 руб. могли за эти деньги купить на рынке всего полтора десятка яиц [3, л. 36–37]. В другом документе ситуация на рынках характеризовалась следующим образом: «Спекулируют все и всем. Из-под полы продают соль, мясо, одежду и обувь. Фиксированные цены игнорируются» [20, л. 19].

Вопреки запрету, в торговых операциях с местными жителями активно участвовали и немцы, у которых можно было получить на обмен дефицитные промышленные товары. Этим обстоятельством пользовались партизаны и подпольщики [21, л. 395; 22, л. 2]. Изголодавшееся городское население во многом жило за счет обмена вещей на продукты питания или спекуляции приобретенными у немцев товарами [18, л. 92]. С ухудшением в Германии социально-экономической ситуации немецкие солдаты стали получать меньше посылок с родины, стали меньше менять промышленные товары на продукты, что еще более усугубляло их дефицит [15, л. 122].

Сокращению количества продуктов на рынках способствовали фиксированные цены, по которым крестьяне торговать не желали, а также конфискации продуктов полицией и жандармерией [15, л. 123].

Закамуфлированной конфискацией была покупка полицейскими у торговцев на рынке продуктов по установленным ценам [20, л. 19].

Детальным образом оценивалось коммунальное хозяйство. Так, по информации одного из командиров партизанского отряда, ситуация в коммунальном хозяйстве г. Полоцка оценивалась как плачевная. Отмечалось, что поврежденные в период боевых действий дома в городе не ремонтируются, а разбираются на дрова. Сложная ситуация с жилым фондом была вызвана многочисленными разрушениями, а также тем, что многие дома были заняты немцами. Квартплата с горожан взималась по довоенным ставкам, от нее могли быть освобождены только инвалиды, имевшие советские удостоверения, поскольку заключениям врачебных комиссий местной вспомогательной администрации немцы не верили. Городская электростанция и водопровод не функционировали (правда, не оговаривалось, когда именно они прекратили работу), но за воду и очистку оплата с граждан взималась, несмотря на то, что данные услуги не предоставлялись [20, л. 15 – 17].

Одним из факторов выживания граждан в экстремальных условиях оккупации было наличие скота и земельного надела. По свидетельствам партизан, «хорошо только живут спекулянты и владельцы коров и больших огородов, остальные голодают». Наличие земельного участка у горожан теоретически должно было помочь им выжить в условиях мизерных продуктовых норм по карточкам. В то же время, если владелец огорода в Полоцке засеивал более 0,2 га, он лишался продуктового пайка [14, л. 91]. Фактически оккупационные власти перекладывали проблему обеспечения горожан продуктами питания на них же самих. Увеличение приусадебного участка в сельской местности могло увязываться с наличием в семье трудоспособного [23, л. 9]. Тем самым семья, не имевшая трудоспособного члена, лишалась возможности получить дополнительный источник существования. Реквизиции партизанами скота у семей полицейских вызвали репрессии немцев по отношению к крестьянам из подконтрольных партизанам деревень. Так, согласно докладной о проделанной работе комсомольской тройкой Холопеничского района от 19 ноября 1943 года немцы переселили жители д. Студенка в другие деревни, отобрали у крестьян скот и передали коров семьям полицейских, у которых коровы были реквизированы партизанами [24, л. 107].

Медицинские учреждения, обслуживавшие гражданское население, испытывали острый дефицит персонала и медикаментов [23, л. 8]. Невозможность локализовать вспышки эпидемий приводила к физическому уничтожению тифозных больных. По данным партизанской разведки, в различных регионах оккупированной Беларуси немцы расстреливали и сжигали бараки с тифозными больными (в документах оккупационной и местной вспомогательной администрации подобные случаи не отражались). Напуганные перспективой физической ликвидации тифозных больных их родственники утаивали факт заболевания и не везли их в больницу, в результате люди умирали, не получив медицинской помощи [22, л. 2; 25, л. 14; 26, л. 5].

В условиях практически полного отсутствия медицинских учреждений в сельской местности и недоступности районных клиник для большинства крестьян единственной надеждой получить медицинскую помощь были партизанские врачи. В то же время руководство партизан признавало, что, несмотря на предпринимаемые меры, удовлетворить хотя бы минимальные нужды гражданского населения не имеется возможности по причине дефицита медикаментов [27, л. 229 – 230].

Разведданные иллюстрируют положение отдельных социальных групп. Следствием оккупации стал рост числа беспризорных детей. Многие из них лишились родителей в результате боевых действий лета 1941 г., другие оказались на улице, будучи вынуждены покинуть детские дома, которые могли перестать функционировать, или же повседневная реальность детдома (отсутствие питания и ухода за детьми) вынуждала их бороться за существование самостоятельно. Естественно, находящиеся в городах группы беспризорных детей рассматривались оккупационными властями как проблема, решить которую за счет органов социальной опеки местной администрации не представлялось возможным. В листовке ЦК ЛКСМБ за 1942 г. приводится выдержка из газеты «Минскер Цайтунг», описывавшей жизнь беспризорных детей г. Минска: «При всякой погоде они живут под открытым небом и пробавляются нищенством. Каждый поезд, приходящий на вокзал, осаждаются беспризорными. Это дети от 5 до 12 лет». Далее в листовке сообщалось об облаве на беспризорников 27.09.1942 г., в ходе которой было задержано и расстреляно около 100 детей [28, л. 36].

Быт находившихся на государственном попечении воспитанников детских домов зачастую был немногим легче. В Полоцком детдоме дети умирали от голода (паек 100 гр. хлеба в сутки), ходили по городу и просили подаяние [14, л. 91]. В докладной записке ответственного организатора Витебского обкома ЛКСМБ отмечалось, что воспитанники Ветринского детдома фактически были предоставлены сами себе, самостоятельно боролись за выживание и существовали во многом благодаря помощи партизан [29, л. 450].

Интересна оценка участниками движения Сопротивления эффективности работы оккупационных силовых структур. Так, в отчете о работе Могилевского Комитета содействия Красной Армии за период от сентября 1941 г. по 10 марта 1943 г. ответственный руководитель Комитета констатировал, что самым

опасным врагом советских патриотов являлись не немцы, а местная полиция и ее помощники среди гражданского населения. В отличие от немцев полицейские хорошо знали местные условия, людей, имеет сеть осведомителей из числа репрессированных советской властью по политическим мотивам и преступных элементов [30, л. 45].

Заключение. Партизаны и подпольщики активно анализировали ситуацию на подконтрольной оккупантам территории. Во-первых, было необходимо четко представлять реальное положение гражданского населения (размер налогов, заработной платы, продуктовых пайков, рыночных цен и т.д.). Поскольку подавляющему большинству граждан угрожали физическое уничтожение или голодная смерть, озлобленное репрессиями население в массовом порядке симпатизировало участникам антинацистского Сопротивления. Во-вторых, пристальное внимание к регламентации оккупационными властями порядка регистрации и передвижения граждан было обусловлено практическим интересом для партизанской разведки. Документы партизан и подпольщиков являются важным источником, которые, в совокупности с документами немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, позволяют максимально полно и объективно реконструировать положения гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
2. Разведывательное донесение, полученное от ответственного организатора Витебского обкома КП(б)Б тов. Кудинова, 22.01.1943 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887. Л. 142.
3. Разведсводка о состоянии противника в Белорусской ССР по Оршанскому району Витебской области // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–39.
4. Разведсводка БШПД по состоянию на 19.02.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 854. Л. 13 об.
5. Информация командира партизанской бригады Фалалеев // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 854. Л. 170.
6. Докладная записка о проведенной работе в тылу противника в районах Минской и Полесской областей и частично Пинской, Вилейской и Брестской областей за время с 23 июля по 21 сентября 1942 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887. Л. 258 об.
7. Оперативная разведывательная сводка БШПД на 4.04.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 854. Л. 28.
8. Докладная записка уполномоченного ЦК ЛКСМБ по Вилейской области, 9.11.1943 г. // НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 16. Д. 9. Л. 6 об.
9. Беседа гг. Ратнера и Малина с т. Василевич, 28.02.1942 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 306. Л. 47 – 67.
10. Беседа с делегатами партизанских отрядов Ушачского района Витебской области БССР, 11.07.1942 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 163. Л. 24 – 25.
11. Докладная записка делегатов штаба партизанской бригады Кирпича секретарю ЦК КП(б)Б Эйдинову об отрядах в Круглянском, Шкловском, Толочинском и Оршанском районах // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 163. Л. 119.
12. Письмо заместителя начальника ЦШПД начальнику БШПД, август 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15. Л. 181.
13. О положении во временно оккупированной территории Белоруссии // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 222 Л. 127–128.
14. Некоторые данные о городе Полоцке // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 257. Л. 90 – 97.
15. Положение в Полоцке // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. Л. 122 – 124 об.
16. Разведывательная сводка № 3(34) БШПД, 19.01.1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
17. Общее положение города Борисова // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 55. Л. 150 – 151.
18. Краткий обзор по материалам партизанской разведки о положении на оккупированной территории в Полесской области БССР по состоянию на 15 февраля 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19. Л. 88 – 98.
19. Докладная записка Белостокского подпольного Обкома ЛКСМБ о работе комсомольской организации области // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 10. Л. 81.
20. Беседа с командиром партизанского отряда майором Шрамко Александром Федоровичем (бригада Марченко) // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 311. Л. 11 – 27.
21. Донесение партизанского агента (без даты) // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 66. Л. 395.
22. Докладная секретарю ЦУ КП(б)Б Эйдинову // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 164. Л. 2.
23. Собственноручные показания Минина Константина Кузьмича, 17 апреля 1942 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 44. Л. 8 – 9.
24. Докладная о проделанной работе комсомольской тройкой Холопеничского района // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 7. Л. 107.
25. Опросный лист партизана Борисова Ильи Ивановича из отряда им. Кузнецова бригады В.В. Щербина, действующей на территории Барановичской области // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887. Л. 14.
26. Докладная записка // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 37. Л. 5.
27. Отчет о санитарно-эпидемическом состоянии партизанских отрядов Могилевской области за май 1944 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 280. Л. 229 – 230.

28. Из листовки ЦК ЛКСМБ, 1942 г. // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 36. Л. 36.
29. Докладная ответственного организатора Витебского Обкома ЛКСМБ ЦК Комсомола Белоруссии // НАРБ. – Ф. 63 п. Оп. 16. Д. 12. Л. 450.
30. Краткий отчет о работе Могилевского Комитета содействия Красной Армии за период от сентября 1941 г. по 10 марта 1943 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58. Л. 45.

Поступила 18.11.2016

**THE CIVILIAN POPULATION OF BELARUS DURING THE NAZI OCCUPATION
(MATERIALS OF PARTISANS AND UNDERGROUND)**

Y. HREBEN

On the basis of the documents the National Archives of the Republic of Belarus is considered the civilian population under the Nazi occupation. The different aspects of life and living conditions of the civilian population are represented, as reflected in the documents of partisans and underground fighters (registration system and citizens' control, financial situation and medical services, commerce, utilities). It is noted that the documents of partisans and underground fighters are an important source, which, together with the documents and the local subsidiary of the German administration allow to objectively reconstruct the civil status of the population of Belarus under the Nazi occupation.

Keywords: *occupation, Belarus, civilian population, partisans.*